

Зимней промысел: подледный лов сельди в Сорокской губе Белого моря (по материалам карельского краеведа И. М. Дурова)

Эльвира Александровна Джиошвили

(Институт языка, литературы и истории ФИЦ КарНЦ РАН:
Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11)

Аннотация. В статье впервые подробно рассматривается способ организации зимнего лова сельди и сопровождавшие его обычаи, бытовавшие в Сорокской губе Белого моря (Беломорский район Республики Карелия). Основными материалами послужили неопубликованные рукописи краеведа Ивана Матвеевича Дурова (1894–1938) о промысловом цикле рыбаков Белого моря, дополненные рядом других архивных источников и публикаций. В статье дается детальное описание основных этапов зимнего сельдяного промысла: подготовка, организация лова, распределение и сбыт добычи, окончание промысла. Актуальность исследования обусловлена отсутствием специальных работ, посвященных соционормативной составляющей сельдяного промысла Карельского Поморья в контексте описания традиционной культуры поморов. Труды И. М. Дурова являются ценным источником, содержащим множество примеров локального варианта верований и обрядовой стороны беломорских промыслов. Сельдяной промысел в Сорокской губе Белого моря был обставлен комплексом предписаний и запретов, характерных для рыболовства как вида традиционной деятельности и поморского промысла, основанного на общинном хозяйственно-бытовом укладе, однако имел свою специфику, обусловленную захватным способом распределения участков для лова.

Ключевые слова: Западное Поморье, поморы, Белое море, лов сельди, рыболовный промысел.

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 121070700119–5).

Дата поступления статьи: 12 апреля 2023 г.

Дата публикации: 25 июня 2023 г.

Для цитирования: Джиошвили Э. А. Зимней промысел: подледный лов сельди в Сорокской губе Белого моря (по материалам карельского краеведа И. М. Дурова) // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 2. С. 106–115.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.2.009>

В архиве КарНЦ РАН хранится ценное фольклорное собрание И. М. Дурова, неопубликованные рукописи и этнографические очерки, представляющие большой интерес для исследователей традиционной культуры поморов Карелии. Иван Матвеевич Дуров (1894–1938) — извест-

ный краевед родом из Сумского Посада, старинного поморского села. Основные этапы его биографии достаточно полно раскрыты в работах С. М. Лойтер [Лойтер 2009], В. П. Кузнецовой [Кузнецова 2011] и С. В. Кошкиной [Кошкина 2014]. В 1932–1933 гг. И. М. Дуров руководил

Сумской ячейкой краеведения, а в феврале 1934 г. стал уполномоченным Карельского бюро краеведения (КБК) по Сорокскому району¹. Бюро краеведения входило в состав Карельского научно-исследовательского института (КНИИ)². С апреля 1934 г. И. М. Дуров был зачислен в штат КНИИ в качестве старшего инструктора Карельского бюро краеведения [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 26. Д. 56. Л. 2]. За годы плодотворной работы он организовал процесс собирания разных жанров традиционного фольклора в Сорокском районе, занимался написанием научных работ и этнографических очерков. Среди них — объемный труд под названием «Беломорские рыбаки в XIX веке — годовой цикл промыслов» в 99 печатных страниц [Дуров 1935]. В апреле 1935 г. в переписке с А. Н. Нечаевым, руководителем этнографо-лингвистической секции КНИИ, И. М. Дуров упоминает о работе над данной темой: «А. М. Линевскому передайте — сажусь за “Рыбацкий быт”, для которого группирую имеющиеся у меня материалы» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Д. 189. Л. 6]. А. М. Линевский получил статью и, вероятно, выступил ее редактором. Машинопись текста имеет множество редакторских пометок. В 1937 г. в исправленном и сокращенном виде она была включена в археолого-этнографический сборник КНИИ под названием «Быт рыбаков дореволюционного Поморья (годовой цикл промыслов)» [Дуров 1936]. Сборник в настоящее время хранится в Научном архиве КарНЦ в единственном экземпляре. обстоятельная статья И. М. Дурова посвящена подробному описанию годового промыслового цикла поморов Кемского и Сорокского районов от Поньгомы до Нюхчи включительно³.

Материалы, собранные и описанные И. М. Дуровым, являются ценным

источником, так как, в отличие от других трудов исследователей беломорских промыслов⁴, описывают не только промысловую общинную организацию, сезоны, способы и объемы лова, а подробно отражают и соционормативную сторону промысловой деятельности: обычаи, запреты, магические ритуалы. Автор явно очерчивает географические границы, что позволяет полнее показать локальные особенности. Уникальность источнику придает и то, что он создан не «приезжим исследователем», а выходцем из описываемой среды, который с рождения жил в изучаемом сообществе, на протяжении долгого времени наблюдал, собирал и осмысливал окружающие его явления.

Повествование И. М. Дурова начинается с ранней осени, времени возвращения *рыбаков-мурманщиков* с дальних промыслов. Автор описывает их встречу и *привальные вечеринки*, после чего начинались приготовления к местным промыслам, в которых значительное место занимал осенний и зимний лов сельди. Лов сельди особенно прибыльным считался в Сорокской губе Белого моря, где изобилие этой рыбы отмечали осенью и ранней зимой. Широко известно свидетельство писателя С. В. Максимова, путешествовавшего по Поморью в 1856 г.: «В губу эту, мелкую (при отливе пройти нельзя) — Сороцкую — заходит такое несметное количество сельдей, что, по словам туземцев, вода густеет, как песок или каша: шапку кинь на воду — не потонет, палку воткни туда — не упадет, а только вертится» [Максимов 1871, 314]. Подледный лов сельди в Сороке красочно описан в неопубликованном труде И. М. Дурова, который практически не был использован исследователями.

В данной статье ставится цель рассмотреть способ организации зимнего

¹ Сорокский район с центром в с. Сорока был образован в 1927 г. в результате упразднения уездно-волостного деления и районирования территории КАССР. В 1938 г. село Сорока получило статус города и было переименовано в Беломорск.

² Карельский научно-исследовательский институт впервые организован в 1930 г., в 1937 г. преобразован в Карельский научно-исследовательский институт культуры, а после войны — в Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, см.: [Академическая наука в Карелии 2006, 20, 33].

³ В настоящее время эта территория входит в состав Кемского и Беломорского районов Республики Карелия.

⁴ См., например: [Исследования о состоянии рыболовства 1862; Слезкинский 1896; Жилинский 1917], а также работы В. Р. Алеева, Р. П. Якобсона и В. В. Никольского, ссылки на которые приведены в тексте статьи.

подледного лова сельди в Сорокской губе и обычаи, сопровождавшие этот вид промысла, представленные в материалах И. М. Дурова. Помимо этого, для более полного раскрытия вопроса используются данные из отчетов по экспедициям, обследовавшим рыбные промыслы населения Русского Севера в конце XIX — начале XX в., опубликованные в «Материалах к познанию русского рыболовства»⁵, и сведения из «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера»⁶. В исследовании применен дескриптивный метод, который заключается в описании изучаемого явления на основе источников.

Актуальность исследования также обусловлена отсутствием специальных работ, посвященных соционормативной составляющей сельдяного промысла Карельского Поморья в контексте описания традиционной культуры этнолокальной группы поморов. Сведения о сельдяном промысле в основном приводятся в рамках изучения хозяйственной специфики региона Белого моря и встречаются в работах исследователей начиная с конца XIX в. Среди работ можно выделить отчеты В. Р. Алеева [Алеев 1914] и Р. П. Якобсона [Якобсон 1913], труд В. В. Никольского [Никольский 1927], где дана характеристика быта и промыслов территории берега Белого моря от Кеми до Сороки, в том числе описание сельдяного промысла и орудий промысла в Сорокской губе. Исторический очерк о состоянии и динамике сельдяного промысла с XIX в. до середины XX в. содержится в книге В. В. Кузнецова [Кузнецов 1960]. Характеристика семужьего, сельдяного и наважьего промысла с конца XVIII в. по 1920-е гг. и описание мероприятий по развитию промыслов представлены в статье Я. И. Алексеевой [Алексеева 2002]. Этнографическое описание орудий

лова и способов владения орудиями лова сельдяного промысла на Белом море содержится в работах известной исследовательницы поморской культуры Т. А. Бернштам [Бернштам 1972; 1978]. В ряде работ этнологов и фольклористов рассматриваются некоторые характерные для поморских промыслов обрядовые практики, поверья, запреты и предписания в контексте исследования промыслового календаря поморов Терского, Зимнего, Поморского берегов Белого моря [Алексеевский, Васкул и др. 2009; Логинов 2010; Дранникова, Морозова 2014]. Однако в перечисленных работах не представлено описание соционормативных практик, связанных с локальными традициями зимнего сельдяного промысла в Сорокской губе. Таким образом, местные особенности организации данного вида промысла и обычаи, его сопровождавшие, не являлись объектом особого внимания исследователей.

В труде И. М. Дурова содержится описание всех этапов сельдяного промысла: подготовка, сборы, выбор времени начала промысла, отправление в путь, распределение промысловых участков, первый улов, ведение промысла, окончание промысла, деление заработка и празднование окончания промысла.

Во время подготовки к циклу зимних местных промыслов необходимо было проверить и починить орудия лова. В этом процессе участвовала вся семья. И. М. Дуров передает яркий образ долгих осенних вечеров: *«Много перепоеется здесь старинных песен и порасскажется побывальщин о житье-бытье рыбацком, а также длинных сказок. В избе рыбака, загроможденной пыльными сетями, составлялись настоящие семейные вечеринки. Только не доставало пляски, которая в большинстве поморских домов не разрешалась, как и курение табака в избе»*⁷ [Дуров 1936, 315]. Пожилые члены семьи

⁵ «Материалы к познанию русского рыболовства» — печатное издание департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ (в 1905–1915 гг. было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия). В «Материалах...» публиковались отчеты экспедиций, обследовавших различные рыбопромысловые районы России. Сведения о рыбных промыслах вокруг Сороки содержатся в отчетах В. Р. Алеева и Р. П. Якобсона.

⁶ «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» — первое научное издание Архангельской губернии, выходило в печать с 1909 по 1919 г. В журнале публиковалась текущая информация о деятельности АОИРС, новости, статьи и заметки о жизни края, обсуждались инициативы в области развития Севера.

⁷ Данные запреты — курение, танцы в доме — были характерны для старообрядческого уклада.

изготавливали мережи и нити для сетей, молодежь вязала сети, женщины готовили и чинили теплую одежду. В этот период составлялась *складыня* — уговор между паевщиками промысловой артели. Сговор проходил в доме одного из более состоятельных хозяев. Членам артели необходимо было договориться о количестве работников, числе орудий и карбасов, стоимости пая, времени начала и окончания лова, месте и способе лова. Для подледного лова сельди необходимо было обсудить также и число лошадей. После достижения соглашения хозяева били по рукам — хлопали друг друга по правой руке и в завершение молились перед иконами. На этом договор на промысловый сезон считался оформленным. Далее хозяева садились за стол и *смачивали складыню вином*. Рыбаки из крепких средних хозяйств могли обходиться без *складыни*, если имели в своем распоряжении лошадь и около 20 мерез.

Знаками хорошего промысла считалось, если при первых заморозках река сразу покроется густой *шугой* (мелким рыхлым льдом), к подводным камням намерзнет лед. Зимние промыслы начинались с периода, когда лед мог выдержать человека, — тогда выставляли первые подледные мережи на навагу. Перед первым выездом на промысел члены артели собирались в доме хозяина на богомолье. При отправлении в путь старались не забывать вещи во дворе и избе, чтобы не возвращаться назад, поскольку возвращение считалось плохой приметой, сулящей неудачу на промысле. Наиболее благоприятными выездными днями считались четные дни недели, т.е. вторник, четверг или суббота. Обращали внимание на фазу луны: «...никогда не ездили на лов в последнюю четверть луны <...> — рыба не идет в сети, потому что уходит в *“заветер”* (в ту сторону, откуда <...> должен подуть ветер)». После ухода рыбаков в избе обязательно должен был остаться кто-то из домашних, оставлять избу пустой было нельзя. Существовал запрет подметать/мыть пол — это также символизировало пустой улов. Считалось, что удачу на промысле знаменует встреча с человеком, несущим что-либо в руках, собакой, перебежавшей дорогу, летящей над головами вороной. К нежелательным относили встречи с кошкой, человеком с пустыми

руками, особенно опасно было повстречать нищего или старую деву. В этом случае для исправления ситуации следовало вернуться домой и повторно отправиться в путь. И. М. Дуров подробно описывает действия, которые сопровождали первый улов, — одаривание каждого члена артели рыбой на уху, приготовление общей ухи, употребление алкоголя (*«вспрыснуть улов вином»*, *«омыть головушку у селедки»*) [Дуров 1936, 309–311].

Когда побережье покрывалось льдом, способным выдержать сани, рыбаки переклювались на подледный лов сельди. Осенняя и зимняя подледная сельдь отличалась высокими вкусовыми качествами — «жирная, высшего качества, по вкусовым достоинствам стоит очень высоко и при соответствующей обработке ничем не уступает лучшим сортам иностранной» [Глебов 1926, 79]. По сведениям из отчета специалиста по рыболовству Архангельского управления земледелия и государственных имуществ Рудольфа Петровича Яковсона, который в 1911 г. совершил поездку с целью изучения рыбных промыслов Белого моря от Кеми до Онеги, в этот период на побережье Сорокской губы съезжались рыбаки из соседних волостей и ближайших карельских деревень: «...для производства селедочного промысла в Сорочкой бухте собираются до 3000 ловцов обоего пола. Приезжие останавливаются <...> в с. Саль-наволок и отчасти в Шуе и Сороче» [Яковсон 1913, 44].

Подледный промысел сельди отличался необычайным оживлением. «Подобно тому, как осенью губа бывает заполнена *карбасами*, так и теперь, зимой, она покрывается народом, лошадьми, санями и сваленными повсюду кучами рыбы. Тот же шум и та же поспешность. Рыбаки наперегон друг другу едут из села, стараясь раньше других захватить хорошее место. Не беда, если лошадь устала, не беда, если она и провалится в какую-нибудь прорубь, она выкарабкается сама и ей нальют в рот вина, на нос привяжут шапку и гонят опять по губе, разогревая ее и торопясь к намеченному месту лова» [Дуров 1936, 321]. Здесь И. М. Дуров повторяет строки из заметки «Из картинок сельдяного промысла в с. Сороче» за авторством Евгения Островского, опубликованной в 1910 г. в «Известиях Архангельского общества изучения Русского

Севера» [Островский 1910, 29], однако добавляет не менее красочные детали. «Перегоняя друг друга, бегут рыбаки в одних рубашках, не чувствуя холода. Иногда без шапок на голове долбят они пёшнями лед, торопясь занять для своих неводов и мереж облюбованное место. Выгешав прорубь, рыбак возле нее бросает лопату, походню⁸ или что-либо из одежды, если нет человека свободного, и бежит дальше, чтобы занять новое место. По существующему здесь обычаю то место, где лежит какой-либо предмет, относящийся к лову, никто другой из посторонних рыбаков не смел занимать. Если кто попытался бы его занять, то между рыбаками возникал спор, нередко кончавшийся дракой с окровавлением. Достать “красную пулю” из носа у обидчика считалось делом долга, т.к. кровь, по поверью поморов, смывает всякую пакость в промысле» [Дуров 1936, 322].

В борьбе за лучшее место для лова рыбаки бывали весьма изобретательны, о чем можем найти свидетельства также в отчете о поездке в 1912 г. по Кемскому и Онежскому берегам Белого моря специалиста по рыболовству Архангельского управления земледелия и государственных имуществ Василия Рафаиловича Алеева: «...за несколько дней до моего приезда в Сорочку, когда ловили еще подо льдом и он был чистый, несколько человек молодёжи прибежали туда на коньках. Один из этих спортсменов, завидя вдали, что нашли сельдь, схватил пешню, прибежал на место и занял его раньше, чем остальные на лошадях» [Алеев 1914, 20]. В источниках не нашлось упоминаний о каких-либо уравнилельных ограничениях со стороны общины — определенное место сбора рыбаков, старт в одно время. Для сравнения, в Керети в середине XIX в. подледную сельдь ловили также захватным способом, при этом снасти хранились в одном месте, где к началу лова должны были собраться все рыбаки [Никольский 1927, 70].

Т. А. Бернштам отмечала, что захватный способ пользования промысловых участков является важнейшей архаической чертой северорусской поморской общины. В более раннее время этот способ

играл большую роль в организации поморского хозяйства и, по ее мнению, был обусловлен в том числе избытком незанятых промысловых участков [Бернштам 1978, 133]. В. В. Никольский, изучавший быт и промыслы населения западного побережья Белого моря в составе научно-промысловой экспедиции 1921 г., объяснял сложившуюся практику захватного лова в Сорочской губе, сравнив его с ловом сельди в Кандалакшской губе, где весенняя сельдь являлась главной промысловой рыбой. Там лов производился на тонях, находившихся в общинном уравнилельном пользовании, а летняя и осенняя рыбы ловились свободно. В Сорочской губе промысловое значение имела осенняя и зимняя сельдь, однако ее лов не был связан какими-либо ограничениями. Причина, по мнению исследователя, крылась в особенностях подхода сельди: весной с наступлением периода икрометания она сосредоточивалась в одних и тех же определенных местах, а осенью шла в случайном порядке, и чтобы обнаружить сельдь, был нужен “счастливей случай, в погоню за которым и устремляются рыбаки. <...> Вероятно, причины эти везде одни и те же — потребности питания; <...> обширная и мелководная Сорочкая бухта, с илистым и покрытым водорослями дном, представляет <...> особенные удобства, как бы специально устроенное пастбище для сельдей, на всем пространстве которого они и пасутся, переходя с места на место» [Никольский 1927, 72].

Для поиска сельди подо льдом артели втайне друг от друга с вечера выставляли 1–2 мережи. По утрам, в случае удачи, спешили *запéшить* (занять) места и расставить неводы. Кроме неводов для ловли использовали мережи, которые перевозили с места на место на лошадях. Промысел на льду таил в себе опасность быть унесенным в открытое море. По сообщению Р. П. Якобсона, «...в 1903 году в море унесло 22 лошади, до 200 мереж и 50 неводов» [Якобсон 1913, 45]. В подледном промысле сельди, наравне с мужчинами, участвовали женщины, девушки и подростки. Они также правили лошадьми, разбивали лед, работали в артелях.

⁸ *Походня* — прочная веревка длиной до 90–100 м. Употреблялась на беломорских промыслах для установки мереж и неводов под лед во время лова, а также для лова неводом при талых водах для вытягивания на берег, см.: [Дуров 2011].

Затягивание рюжи (мережи). Иллюстрация из отчета В. Р. Алеева [Алеев 1914, 16, табл. III]

Setting a trap net. Illustration from the report by V. R. Aleev [Aleev 1914, 16, tab. III]

Существовали способы, с помощью которых можно было повысить успех на промысле. Если рыбаку не везло с *попáжей* рыбы, особенно если сосед *охинёл* (перегрузился рыбой с избытком), то он стремился поправить свой *занóс* (неудачу) посредством кражи какого-либо предмета из промыслового инвентаря или рыбы из улова у более удачливого рыбака. Кража из улова считалась опаснее всего, так как символизировала утрату удачи на дальнейший лов сельди у потерпевшего. И. М. Дуров так описывал этот процесс: «...особенно часто практиковалась подобного рода кража из саней. Подбежит рыбак сзади к саям и незаметно с воза ухватит селёдку, откусит от нее зубами головку, а хвост бросит обратно. После этого помор делается уверенным, что ему теперь повезет в лов» [Дуров 1936, 322]. Для сохранности улова и предотвращения нежелательных действий могли выставить специального «караульщика», который должен был следить за выловленной рыбой. При лове сельди крики и ненормативная лексика разрешались и даже поощрялись — «кто сильнее кричит и крепче “матерится” (сквернословит) на лову, того рыба будто бы больше любит и лучше попадает в его снасть» [Там же, 345].

Выловленная рыба продавалась скупщикам, которые устанавливали цены в зависимости от объемов улова и погодных условий — в оттепель рыба быстро портилась и продавалась за меньшую стоимость. Часть рыбы оставалась на месте

для копчения, но большая доля отправлялась в Вологодскую губернию. По свидетельству В. Р. Алеева, в 1912 г. в Сорочке имела только одна небольшая коптильня [Алеев 1914, 20]. Обозы с сельдью шли на железную дорогу станции Обозерск (400 верст), этот путь занимал от одной до двух недель. Извозом занимались преимущественно крестьяне Каргопольского уезда Олонецкой губ., а также поморы из Нюхчи, Варзогор и прочих селений. Перед отправкой сельдь морозили прямо на льду, затем сгребали в кучи и оставляли до укладки в возы. В теплую погоду сохранить улов свежим было сложнее: «...рыба плохо промерзает, и ее опять разваливают, лишь только подморозит. После такого обращения сельдь кажется совсем завалившейся» [Там же, 19].

Последние подходы рыбы назывались *варваринская сельдь* (по имени святой великомученицы Варвары, день памяти которой отмечают 4 (17) декабря⁹) и *никольская сельдь* (по имени святителя Николая Мирликийского — день памяти 6 (19) декабря). Сезон зимнего сельдяного промысла заканчивался обычно к Николе зимнему. Если рыба не переставала заходить в губу, то лов рыбы продолжали и после празднования Николы зимнего. По окончании промысла наступало время распределения заработка. В доме одного из хозяев устраивался *дува́н* — дележ заработка. Хозяева должны были отчитаться перед товарищами по складчине. Все расходы и доходы подтверждались членами артели, затем делались раскладки по числу паев и определялась сумма на пай. При этом учитывалось владение орудиями, карбасами и лошадьми. На каждый невод, карбас и лошадь приходилось по паю. При работе по талой воде женщины и подростки получали целый пай, а по льду — половину [Якобсон 1913, 44]. После расчетов начиналось празднование.

Окончание промысла отмечали с размахом. «Если выдавалась “большая нажива”, то намечалась и “большая прожива”. Мужчины обычно тратили деньги на выпивку, женщины — на сладости и наряды. О “бережаных” (бытовавшее прозвище поморов-рыбаков селений Сорочки, Шижни, Сальнаволок, Выгостров

⁹ Даты даются по старому и новому стилю (разница 13 дней).

и с. Сухое) рыбаки соседних сёл иронизировали: у сорочан во время сельдяного лова в каждой избе по два огня горит, на столах целый день сласти стоят, а придет весна — и есть стало нечего» [Дуров 1936, 326]. Несколько идеализированная картина празднеств по окончании лова представлена в заметке, опубликованной в «Архангельских губернских ведомостях»: «В поморских домах, переполненных приезжим людом, было тесно, шумно и говорливо. Собирались под вечер в тепло, после трудового дня на море люди чувствовали потребность отдохнуть и согреться. Усаживались за большими, артельными самоварами и между чаем, ведя продолжительные разговоры, пили водку и оживлялись. Лакомились закусками, леденцами и орехами. На водку смотрели без жадности. Было у всех удовольствие повыше ея — сознание удачи от хорошего заработка» [С. В. М. 1910, 2]. Во время празднования могли заключать новый договор на весенние и летние промыслы.

Сельдяной промысел в Сорочской губе Белого моря, от успеха которого зависело благополучие местных поморских домохозяйств, был обставлен комплексом предписаний и запретов. В целом они были характерны для традиционного рыболовства (действия, призванные обеспечить успех на промысле), а также для системы поморского хозяйства, основанного на общинном хозяйственно-бытовом укладе (совместное богомолье перед началом промысла, общая уха, распределение улова). В то же время этот вид промысла имел свою специфику, основанную на захватном способе распределения участков

для лова в силу особенностей подхода рыбы в данной местности. Длительное сохранение такого способа использования промысловых угодий признается важнейшей архаической чертой северорусской поморской общины.

Труд И. М. Дурова содержит множество примеров локального варианта верований и обрядовой стороны беломорских промыслов, что зачастую представлено в источниках по поморской промысловой деятельности довольно фрагментарно. Зимний лов сельди был частью годового цикла промыслов, полностью описанного И. М. Дуровым. Сведения, содержащиеся в его этнографическом очерке, дополненные данными из других источников, позволяют устранить лакуны в изучении обычаев, связанных с морскими рыболовными промыслами Карельского Поморья в контексте описания традиционной культуры поморов. Кроме того, материалы И. М. Дурова представляют большой интерес и как труды исследователя, родившегося и проживавшего в изучаемой им этнокультурной среде, которую он наблюдал изнутри, глазами носителя народной традиции. Автор создает выразительный образ повседневного быта поморов со множеством деталей и подробностей, используя диалектные слова, приводя в тексте примеры малых фольклорных жанров (поговорки, приметы, частушки). Введение в научный оборот и публикация архивных материалов И. М. Дурова из собрания Научного архива КарНЦ значительно пополнит базу источников для изучения традиционной культуры населения Поморского и Карельского берега Белого моря.

Источники и материалы

Академическая наука в Карелии 2006 — Академическая наука в Карелии: 1946–2006. Т. 1. М.: Наука, 2006.

Алеев 1914 — *Алеев В.Р.* Промысел наваги и сельди по Онежскому и Кемскому берегам Белого моря зимою 1912 г. // *Материалы к познанию русского рыболовства.* 1914. Т. III. Вып. 9. С. 3–22.

Глебов 1926 — *Глебов Г.Н.* Рыбные промыслы Карельского берега Белого моря // *Экономика и статистика Карелии.* 1926. № 7/8. С. 71–89.

Дуров 1935 — *Дуров И. М.* Беломорские рыбаки в XIX в. — годовой цикл промыслов // *НА КарНЦ РАН.* Ф. 1. Оп. 33. Д. 440. 99 л.

Дуров 1936 — *Дуров И. М.* Быт рыбаков до-революционного Поморья (годовой цикл промыслов) // *Археолого-этнографический сбор-*

ник. Петрозаводск, 1936–1937 // *НА КарНЦ РАН.* Ф. 1. Оп. 32. Д. 237. Л. 290–362.

Дуров 2011 — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Кар. науч. центр РАН, 2011.

Жилинский 1917 — *Жилинский А. А.* Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. Пг.: Тип. Т-ва А. Ф. Маркс, 1917.

Исследования о состоянии рыболовства 1862 — *Исследования о состоянии рыболовства в России.* Т. 6: Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. СПб.: Изд. Министерством госимущества, 1862.

Кузнецов 1960 — *Кузнецов В. В.* Белое море и биологические особенности его флоры и фауны. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

Максимов 1871 — Максимов С. В. Год на Севере. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871.

НА КарНЦ РАН — Научный архив Карельского научного центра РАН.

Никольский 1927 — Никольский В. В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря. М.: Изд. Научно-технического управления ВСНХ, 1927.

Островский 1910 — Островский Евг. Из картинок сельдяного промысла в с. Сороке // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 8. С. 27–31.

С. В. М. 1910 — С. В. М. Под зимнего Николу // Архангельские губернские ведомости. 1910. № 263. С. 2–3.

Слезкинский 1896 — Слезкинский А. Г. Промыслы беломорского населения. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1896.

Якобсон 1913 — Якобсон Р. П. Отчет по обследованию рыболовных тоней на реках Кеми и Выге осенью 1911 г. // Материалы к познанию русского рыболовства. 1913. Т. II. Вып. 9. С. 1–42.

Исследования

Алексеева 2002 — Алексеева Я. И. Беломорское рыболовство с конца XVIII в. по 1920-е гг. URL: http://qwercus.narod.ru/alexeeva_YaI_2002.htm (дата обращения: 12.04.23).

Алексеевский, Васкул и др. 2009 — Алексеевский М. Д., Васкул А. И., Козлова И. В., Комелина Н. Г. Традиции рыбаков и зверобоев Терского берега Белого моря // Живая старина. 2009. № 2. С. 15–19.

Бернштам 1972 — Бернштам Т. А. Рыболовство на Русском Севере во второй по-

ловине XIX — начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Из культурного наследия народов России: (Сборник МАЭ. Т. XXVIII) / Под ред. Т. В. Станюкович. Л.: Наука, 1972. С. 62–98.

Бернштам 1978 — Бернштам Т. А. Поморы: Формирование групп и система хозяйства. Л.: Наука, 1978.

Дранникова, Морозова 2014 — Дранникова Н. В., Морозова Т. Н. Промысловый календарь Зимнего берега Белого моря // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2014. № 5 (142). С. 56–60.

Кошкина 2014 — Кошкина С. В. Краевед из Сумпосада: Иван Матвеевич Дуров. Беломорск: Центр поморской культуры, 2014.

Кузнецова 2011 — Кузнецова В. П. И. М. Дуров и его «Словарь живого поморского языка» // Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2011. С. V–XIV.

Логинов 2010 — Логинов К. К. Рыболовство Поморского села Нюхча // «Уведи меня, дорога»: Сб. науч. ст. памяти Т. А. Бернштам / Под ред. Н. Е. Мазаловой, И. Ю. Винокуровой и др. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 54–69.

Лойтер 2009 — Лойтер С. М. Фольклорное краеведение Карелии: жизнь и судьба И. М. Дурова // Краеведческие чтения: Матер. II науч. конф. Петрозаводск: Нац. б-ка Республики Карелия, 2009. С. 3–7.

© Э. А. Джиошвили, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Джиошвили Э. А. <https://orcid.org/0000-0002-8933-1740>

Младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ КарНЦ РАН: Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; тел.: +7 (8142) 78-44-96; e-mail: elvira-260893@yandex.ru

“Winter Hunt”: Ice Fishing for Herring in Soroka Bay of the White Sea (Based on the Papers of the Local Karelian Historian I. M. Durov)

Elvira A. Dzhioshvili

(Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences: 11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Summary. This article considers for the first time the organization of winter herring fishing and the customs that Pomor fishermen practiced in Soroka Bay (Sorokskaja guba) of the

White Sea (Belomorsky District, Republic of Karelia). It is based on unpublished materials of the local historian Ivan Matveyevich Durov (1894–1938), supplemented by other archival materials and publications. It provides a description of the main stages of winter herring fishing: its preparation, organization, distribution of the fish, and its completion. There is a lack of works devoted to the socionormative component of herring fishery in the Karelian Pomor region in the context of the traditional culture of the Pomors. In this regard, I. M. Durov's papers are a unique source that contains rich material concerning local beliefs and the ritual side of White Sea fishing. Herring fishing in Soroka Bay was managed by a set of regulations and prohibitions that was generally typical for fishing as a traditional livelihood and for Pomor households; it was based on communal living but had its own specific features due to the way fishing areas were claimed.

Key words: Western Pomorie, Pomors, White Sea, herring fishing, fishing.

Acknowledgments. Financial support for this research was provided by federal funds for carrying out the state project Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (121070700119–5).

Received: April 12, 2023.

Date of publication: June 25, 2023.

For citation: Dzhioshvili E. A. “Winter Hunt”: Ice Fishing for Herring in Soroka Bay of the White Sea (Based on the Papers of the Local Karelian Historian I. M. Durov). *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 2. Pp. 106–115. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.2.009>

References

Alekseeva Ya. I. (2002) Belomorskoe rybolovstvo s kontsa XVIII v. po 1920-e gg. [White Sea Fishing from the End of the Eighteenth Century Through the 1920s]. URL: http://qwercus.narod.ru/alexeeva_YaI_2002.htm (accessed: 12.04.2023). In Russian.

Alekseevskij M. D., Vaskul A. I., Kozlova I. V., Komelina N. G. (2009) Traditsii rybakov i zveroboev Terskogo berega Belogo morya [Traditions of the Fishermen and Sea Hunters of the White Sea Tersk Shore]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2009. No. 2. Pp. 15–19. In Russian.

Bernshtam T. A. (1972) Rybolovstvo na Russkom Severe vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. (po kollekcijam i arhivnym materialam etnograficheskikh muzeev Leningrada) [Fishing in the Russian North in the Second Half of the Nineteenth — Beginning of the Twentieth Centuriy (From the Collections and Archival Materials of the Ethnographic Museums of Leningrad)]. In: *Iz kul'turnogo naslediya narodov Rossii* (Sbornik Muzeya antropologii i etnografii) [From the Cultural Heritage of the Peoples of Russia (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography)]. Leningrad: Nauka. Pp. 62–98. In Russian.

Bernshtam T. A. (1978) Pomory: formirovanie grupy i sistema khozyaystva [The Pomors: The Formation of the Group and their Economic Organization]. Leningrad: Nauka. In Russian.

Drannikova N. V., Morozova T. N. (2014) Promyslovyy kalendar' Zimnego berega Belogo

morya [The Commercial Calendar of the White Sea Winter Coast]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2014. No. 5 (142). Pp. 56–60. In Russian.

Koshkina S. V. (2014) Krayeved iz Sumposada: Ivan Matveyevich Durov [The Local Historian from Sumposad: Ivan Matveevich Durov]. Belomorsk: Tsentrom pomorskoj kul'tury. In Russian.

Kuznetsova V. P. (2011) I. M. Durov i ego “Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka” [I. M. Durov and his “Dictionary of the Living Pomor Language”]. In: *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Living Pomor Language in Its Everyday and Ethnographic Usage]. Petrozavodsk: KarRC RAS. Pp. 5–14. In Russian.

Loginov K. K. (2010) Rybolovstvo Pomorskogo sela Nyukhcha [Fishing of the Pomor Village Nyukhcha]. In: “Uvedi menya, doroga”: *Sbornik nauchnykh statej pamyati T. A. Bernshtama* [“Road, Take Me Away”: Collected Papers in Memory of T. A. Bernshtam]. St. Petersburg: MAE RAS. Pp. 54–69. In Russian.

Loyter S. M. (2009) Fol'klornoe krayevedenie Karelii: zhizn' i sud'ba I. M. Durova [Local Folklore Studies of Karelia: The Life and Fate of I. M. Durov] In: *Krayevedcheskie chteniya* [Local History Readings]. Petrozavodsk: National Library of Karelia. Pp. 3–7. In Russian.

© E. A. Dzhioshvili, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Elvira A. Dzhhioshvili <https://orcid.org/0000-0002-8933-1740>

E-mail: elvira-260893@yandex.ru

Tel.: +7 (8142) 78-44-96

11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)